

DOI: 10.31857/S032103910004511-5

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ГАЕ МАРИИ

Гай Марий — одна из ярчайших фигур в истории Рима: homo novus, достигший вершин власти, победитель германцев, один из главных персонажей первой гражданской войны. И он сам, и его образ в источниках всегда привлекали к себе внимание исследователей. Не ослабевает интерес к нему и по сей день: только за последние пять лет о нем вышло три книги¹.

Первая из них, «Марий. Оклеветанный спаситель Рима», принадлежит перу М. Лабицке. Автор сетует, что о Марии писали в основном его враги и это сильно повлияло на образ полководца в античной традиции и современной историографии. Кроме того, в немецкой литературе до сих пор нет книги о Марии, заполнить этот пробел и призвана предлагаемая биография (с. 9–10). Лабицке обращает внимание на связи между Марием, происходившим из весьма влиятельного в его городе рода, и Сципионом Эмилианом, который, возможно, способствовал избранию арпината в военные трибуны (если датировать это событие 131–129 гг.); не исключена его служба под началом Манья Аквилы в Азии. Квестором же Марий стал, вероятно, ок. 123 г. Позднее он стал опираться на поддержку Метеллов, однако клиентские связи между ними, по мнению автора, отсутствовали. Во время плебейского трибуната Марий добился крупного политического успеха, взяв верх над большинством сената и проведя закон о голосовании, причем все остальные трибуны поддержали его; эта победа была тем важнее, что совпала по времени с выводом колонии Narbo Martius — единственным достижением популяров в те годы. Протест же Мария против хлебного закона автор объясняет не слишком убедительно — это-де была форма подкупа городских низов, чего арпинат, воспитанный в строгих правилах, принять не мог. Его позиция вызвала одобрение одних и негодование других, что, по мнению Лабицке, и обусловило поражение Мария на выборах в эдилы. Нелегко досталась ему и претура (возможно, городская). Отправившись по ее окончании пропретором в Дальнюю Испанию, арпинат показал себя отличным военачальником и администратором. Свои успехи Марий закрепил браком с Юлией — представительницей одного из старейших патрицианских родов (с. 30–46)².

Ссора с Метеллом (очевидно, Далматским) не помешала другому Метеллу (будущему Нумидийскому) взять Мария легатом на войну против Югурты, чему способствовали, как полагает автор, дарования и опыт арпината (с. 54). Он сыграл важнейшую роль в битве при Мутуле и занял первое место среди легатов Метелла (с. 60). Лабицке не согласен с тем, что Марий проявил нелояльность и неблагодарность по отношению к Метеллу, поскольку не являлся его клиентом, критика же полководца была достаточно обычным делом в римской армии. Марий выступал против попытки командующего решить вопрос путем переговоров, считая необходимым вообще устранить царя и заменить его Гаудой (с. 65–68)³.

¹ Labitzke 2013; Santangelo 2016; Hyden 2017. Книга М. Хайдена написана на откровенно дидактическом уровне и поэтому рассматриваться не будет.

² Автор не учитывает, что влияние Юлиев в римской политике было в то время невелико (см. Passerini 1934, 12).

³ С этим суждением трудно согласиться, так как и Метелл стремился к устранению царя, используя переговоры для его ослабления и параллельно подталкивая (если верить Саллюстию) приближенных Югурты к заговору против него (см. Sall. Jug. 61–62).

На 107 г. Мария избрали консулом, что стало знаковым событием, ибо после 191 г. до этого момента консулами удалось стать всего лишь двум *homines novi*⁴, смог он получить и командование в Африке, хотя сенат уже и продлил полномочия Метеллу для дальнейшей войны с Югуртой. Лабицке не считает это беспрецедентным нарушением прерогатив сената, так как в свое время и Сципион Эмилиан дважды получал соответствующие полномочия от комиций (с. 72–73). Стоит, однако, учитывать, что при этом не лишился командования уже назначенный полководец.

Стратегия Мария в Нумидии состояла в сужении подвластной Югурте территории. В этом смысле жестокая расправа с капитулировавшей Капсой оказалась вполне эффективной (с. 78–82). В результате победы в войне территория провинции Африка не выросла – Марий не стремился к экспансии (с. 96). Суждение достаточно спорное, поскольку отказ от захвата нумидийских территорий (если он действительно имел место)⁵ мог обуславливаться и иными причинами, прежде всего необходимостью в таком случае продолжать войну с местными племенами в условиях, когда немалые силы требовались для борьбы с кимврами и тевтонами⁶. Так или иначе, «здесь, в Нумидии, Марий продемонстрировал, что может отлично служить в армии [в качестве подчиненного], но и с не меньшим успехом принять на себя командование и великолепно руководить боевыми действиями» (с. 97).

Став консулом 104 г. (подобно Сципиону Эмилиану в 134 г. в нарушение запрета на вторичное избрание), Марий приступил к военной реформе. Впрочем, при ее рассмотрении автор в целом воспроизводит явно устаревшую точку зрения Моммзена (профессионализация и пролетаризация армии, исчезновение трех линий в построении армии, связанные с этим перемены в организации и т.д.). Отмечая, что снижение ценза началось еще в Ганнибалову войну, автор не признает, однако, что Марий сделал лишь последний шаг, допустив в армию почти неимущих. Лабицке подчеркивает, что меры Мария носили не временный и ограниченный характер, но надолго изменили военную систему. Но в то же время он не считает арпината ответственным за профессионализацию армии и политические последствия этого – полководцу надо было как-то решать проблему с набором (с. 111–119). Думается, что постановка вопроса не вполне верна: реформа Мария стала лишь одним из этапов в процессе превращения римской армии в профессиональную⁷, да и роль неимущих в изменении сознания воинов сильно преувеличена, так как большинство солдат по-прежнему набиралось из зажиточных крестьян⁸. Но не приходится спорить с тем, что Марий сумел создать хорошо подготовленную армию, способную противостоять кимврам и тевтонам, до той поры наносившим римлянам тяжелые поражения (с. 136).

Автор отмечает, что в решающей битве при Верцеллах Марий, видимо, обладал численным перевесом, хотя Плутарх и дает понять обратное. Восходящее к мемуарам Катуты и Суллы описание сражения, согласно которому солдаты Мария блуждали в тучах пыли, основную же тяжесть боя вынесли на себе воины Катуты, всерьез принимать не приходится. Именно Марий нанес главный удар, проведя классическую операцию на окружение. После победы среди прочих почестей арпинат первым из живущих римлян удостоился изображения на монете (с. 143–153)⁹.

После победы Марий совершил нестандартный ход, не заняв место среди консуляров, а вновь выдвинув свою кандидатуру в консулы, хотя опасность, а с нею и необходимость в его переизбрании, миновали. Лабицке объясняет это тем, что без должности победителю кимвров угрожало политическое небытие, поскольку отношения со знатью у него были натянутые, да и в качестве консула он имел больше возможностей позаботиться о воинах; обвинения Мария в патологическом честолюбии автор отвергает как клевету со стороны врагов полководца, как и ту точку зрения, согласно которой победитель кимвров стал консулом в 100 г. исключительно

⁴ В источниках говорится как минимум о трех (Гн. Октавий, Л. Муммий, Кв. Помпей), не считая тех, кто *expressis verbis* не отнесен к числу новых людей, но таковыми являлся (см. Gelzer 1969, 51).

⁵ Иначе см. Syme 1964, 176.

⁶ См. Harris 1979, 151.

⁷ См., например, Harmand 1967, 483–494.

⁸ Keaveney 2007, 24–28. См. ниже разбор диссертации Ф. Готье.

⁹ Суждение спорное: на денарии Фундания, воспроизведенном в книге (с. 152), мы видим фигуру триумфатора, который имеет отношение к арпинату лишь предположительно (Crawford 1974, 328), к тому же это изображение не лично Мария, а обобщенный образ победоносного полководца.

благодаря поддержке Сатурнина и Главции (с. 154–159). Неординарность шага Мария и отнюдь не решающая роль Сатурнина и Главции подмечены верно, однако отрицать честолюбие арпината не приходится: о нем свидетельствует вся его карьера.

Автор высоко оценивает искусство Мария-политика, позволившее ему добиться одобрения сенатом аграрного закона Сатурнина. Но беспрецедентность методов трибуна привела к охлаждению между ними, и Марий аннулировал кандидатуру Главции на консульских выборах. Окончательный разрыв произошел после убийства Меммия (непонятно, однако, зачем тогда вообще понадобилось Сатурнину расправляться с Меммием – кандидатом в консулы, если Главция в выборах уже не участвовал). Марий действовал, по мнению автора, отнюдь не против воли, как часто считается, и не вел двойной игры; в то же время и убивать Сатурнина без суда он не собиравался, чем показал свое уважение к праву – в отличие от оптиматов, умертвивших действующего трибуна без соблюдения всяких юридических процедур. Автор отмечает, что во время шестого консулата Марий показал, что способен действовать не только как полководец (см. Vell. II. 11. 1), но и как добропорядочный политик, позаботившись о ветеранах и приняв меры против экстремистов-популяров (с. 162–173). Эта оценка нуждается в корректировке: в конечном счете ветераны земли не получили, а обвинения Сатурнина в убийстве Меммия ни на чем не основывались, потому и меры против них представляли собой не более чем произвол сената и консулов. Другое дело, что у Мария не было выбора, если он не хотел рассориться с римской верхушкой.

Лабичке резонно полагает, что полководец не утратил популярности после событий 100 г., как часто считается. Он перестал быть консулом, но о фиаско говорить не приходится; о влиянии Мария свидетельствуют введение последнего в коллегию авгуров *in absentio* и брак его сына с дочерью Л. Красса. Отказ Мария от участия в выборах цензоров на 97 г. автор объясняет не страхом арпината перед неудачей, а тем, что последний находился тогда в Азии и, возможно, отсутствием у него интереса к этой должности (что, впрочем, весьма сомнительно) (с. 173–174, 179–180, 184). Поездка в Азию была вызвана не его стремлением спровоцировать войну и получить командование в ней (хотя в принципе получить военный империй он, конечно, хотел), а желанием, напротив, предотвратить конфликт, в чем арпинат и преуспел, во время встречи с Митридатом дав ему понять, что он не должен проявлять активности в сфере влияния Рима (с. 176–178). Думается, однако, что если какого-то эффекта Марий и достиг, то совсем ненадолго, о чем свидетельствует вся последующая политика царя.

Любопытна трактовка роли арпината в деле Рутилия Руфа: Лабичке не оспаривает его причастности к осуждению Рутилия, как можно было бы ожидать, а указывает на то, что это был удар по нобилитету, свидетельствовавший о сохранении Марием его влияния (с. 182). Если с первым тезисом согласиться трудно (нобилитет выказал явное равнодушие к судьбе Рутилия), то второй представляется верным. Однако автор признает, что установка на Капитолии статуй, изображавших выдачу Югурты Сулле, продемонстрировала презрение верхушки сената к Марию (с. 184–185).

Лабичке отмечает, что в ходе Союзнической войны арпинат применил испытанную тактику: он не спешил, тренируя воинов и понимая, что время работает против италийцев. Но, несмотря на очевидные успехи (именно Марий спас северный фронт римлян после гибели Рутилия Лупа и Сервилия Цепиона), его отстранили под предлогом телесной немощи, попутно распуская слухи, будто его талант полководца в значительной мере угас (с. 190–197).

Не сомневаясь во влиянии Мария, автор полагает, что избрание Суллы консулом на 88 г. было обусловлено стремлением верхушки нобилитета помешать арпинату получить восточное командование (такая точка зрения, заметим, источниками не подтверждается). В ответ последний заключил союз с Сульпицием, чьим проиталийским проектам, как полагает автор, сочувствовал. Лабичке подчеркивает, что Марий спас Суллу у себя в доме во время беспорядков, хотя тот открыто его презирал (вернее было бы говорить о явно недружественных шагах со стороны Суллы), а по взятии Города объявил *hostis* (с. 201–207). Следует, однако, отметить, что Марий укрыл его у себя явно не из альтруистических побуждений, поскольку тот, покинув дом арпината, отменил неприсутственные дни: трудно представить, что это не было результатом их беседы.

Рассматривая историю возвращения Мария, Лабичке отвергает данные тех античных авторов, которые пишут о присоединении к нему преимущественно беглых рабов и уголовников, считая это типичным образцом оптиматской пропаганды, поскольку на деле к Марию пришло и немало крестьян. Лабичке подчеркивает, что арпинат отказался от знаков проконсульской власти, присланных ему Цинной, до отмены мер против него комициями. Рассказ Плутарха о том, будто он вошел в Рим не дожидаясь голосования триб по этому

вопросу, автор резонно отвергает как пропагандистский и не подтверждаемый другими источниками (с. 226–230). И, конечно, суровой критике подвергается картина безудержного террора, будто бы учиненного руками беглых рабов. Марий, Цинна и их соратники решили устранить лишь виднейших вождей враждебной группировки. Известно лишь о 13 погибших, из которых 2 покончили с собой¹⁰. Вопреки прямым указаниям источников утверждается, что ни всадников, ни простых людей не трогали¹¹. Более обоснованно указание на то, что не пострадали семьи репрессированных. То же можно сказать об отрицании достоверности таких известных историй, как расправа с теми, на чье приветствие Марий не отвечал, и помещение головы Антония на пиршественный стол, а также о самоназначении Цинны и Мария консулами на 86 г. (по крайней мере в процедурном смысле) (с. 232–237). Не были «замечены» античной традицией достижения Мариа и Цинны в области италийского вопроса и стабилизации финансов (с. 236), однако это уже успехи именно Цинны, поскольку его коллега умер в самом начале 86 г. Недруги распускали слухи о кошмарах, мучивших его перед смертью (страх перед возможным столкновением с Суллой), и даже о самоубийстве (с. 238).

Завершая книгу, Лабицке указывает, что Сулла, придя к власти, учинил куда более кровавый террор, нежели Марий и Цинна, разрушил памятники побед арпината, выбросил его останки в Аниен и очернил память о нем. Лишь Цезарь восстановил его доброе имя. В любом случае Марий был выдающимся полководцем, государственным деятелем и политиком, и если бы Марс пожелал принять человеческий облик, то воплотился бы в образе Мариа. Арпинат стал живой легендой, аналогов которой непросто найти не только в римской, но и мировой истории (с. 241–247).

Бесспорно, работа носит апологетический характер, однако нельзя не признать убедительности многих суждений Лабицке. Думается, что его книга является полезной провокацией, образцом *historiam scribere et cum ira et cum studio*.

Куда более сдержанно написана книга Ф. Сантанджело. Он отмечает, что биография Мариа позволяет лучше понять происходившие в Риме перемены. «Его карьера развивалась по пути, указывавшему на то, что [система] сдержек и противовесов, в рамках которой происходило политическое соперничество в Риме, находилась в состоянии кризиса: семь консулатов Мариа были симптомом, а не причиной далеко зашедшего процесса» (с. 2–3).

Автор отмечает, что арпинат отнюдь не был человеком низкого происхождения и скромных доходов (тогда ему не удалось бы сделать карьеру), просто он принадлежал не к столичной, а муниципальной знати. Тем не менее некоторые античные авторы «приняли традицию о бедности Мариа и даже сочли ее привлекательной. С одной стороны, это указывает на масштаб достижений Мариа, с другой – придает выразительности образу Мариа как человека, совершенно чуждого находившейся у власти элите, будь то в Арпине или Риме» (с. 7). Отсутствие у Мариа когномена, на которое обращает внимание Плутарх (*Mar.* 1), было не такой уж редкостью в то время. Что же до номена, то он имеет параллель в оскском (*Maras*).

Говоря о начале политической карьеры Мариа, автор, в отличие от Лабицке, склонен, хотя и не безоговорочно, принять данные Плутарха о патронате Метеллов по отношению к Мариям, что, впрочем, не помешало арпинату вступить с ними в конфликт во время борьбы за избирательный закон. Сам закон, видимо, был продолжением *lex Gabinia* и *lex Cassia*. Сантанджело считает, что Плутарх в рассказе о борьбе за закон преувеличивает в свойственной ему манере противостояние сената и народа. Это чувствуется в акценте на разрыве с Метеллами, своего рода предвестии конфликта с Метеллом Нумидийским. Но в любом случае, полагает автор, у Мариа явно были собственные представления о политике; в частности, проведя закон о голосовании, он выступил против хлебного закона, – видимо, желая дистанцироваться от Гракхов и улучшить отношения с Метеллами (с. 19–20).

Весьма любопытно оценивает автор деятельность Мариа в Дальней Испании: ему не дали триумфа за победы над лузитанами, но и не нашли повода для отдачи под суд. В любом случае позиции арпината укрепились, и он представлял собой политическую величину, не считаться с которой было нельзя. Между тем в 115 г. одним из цензоров был Метелл Далматский, и изгнание из сената друга Мариа Сабакона наверняка явилось атакой на самого Мариа. (Стоит заметить, что самого его удалить из числа *pateres* уже не решились.) Что же касается

¹⁰ Это минимальная цифра. В источниках упоминаются 16 человек (см. Keaveney 1984, 115–117). За этими именами, учитывая возможные смещения и ошибки, скрывается, видимо, 14 человек (Badian 1957, 339–340, n. 177).

¹¹ О расправах с простыми людьми см. Lucan. II. 101; с всадниками – App. BC. I. 71. 330. См. Hill 1952, 145.

брака с Юлией, то Сантанджело не склонен переоценивать его политический аспект, учитывая скромную роль Цезарей в политике тех лет. Однако в любом случае это свидетельствовало об определенном признании Мариа частью нобилитета (с. 23–25).

На начало Югуртинской войны, как полагает Сантанджело, Марий был уже признанным военачальником, что и побудило Метелла взять его легатом, — видимо, командующим кавалерией. Однако их отношения, как известно, закончились разрывом, причем арпинат не старался примириться с командующим, но, напротив, строил свою кампанию на выборах в консулы на 107 г. на том, что противопоставлял себя ему. Он занял высшую должность впервые за четверть века после предыдущего *homo novus* П. Рупилия, поэтому его успех был хотя и не беспрецедентным, но в любом случае весьма примечательным, не говоря уже о назначении командования в Африке вопреки воле сената, уже продлившего полномочия Метеллу. В связи с началом военной реформы Мариа Сантанджело отмечает, что *proletarii*, которых стал брать в армию Марий, были ненамного беднее значительной части тех, кого брали в войско и раньше. «Набор 107 г. был не крупной реформой, как это часто считалось, но представлял собой продуманную и амбициозную меру, отражавшую честолюбивые помыслы Мариа и его решимость использовать новаторские методы для выполнения [ближайших] задач, а затем удовлетворить и собственные интересы. Возможно, в исторической перспективе, а также потому, что это произвело большое впечатление на современников, важнее те методы лидерства и обещания, с помощью которых Марий успешно создал свою армию» (с. 35). Думается, однако, что обещания эти (прежде всего добыча) вряд ли сильно отличались от того, что сулили другие полководцы — надежных данных, что Марий перед походом сулил воинам землю, у нас нет.

Победа в Африке принесла Марию славу, новый консулат и командование в войне с германцами. При этом он, в отличие от времен своего трибуната, не проявлял законодательной активности: эту роль взял на себя его новый союзник, Сатурнин. Сотрудничество полководца и трибуна сыграло важную роль в последующие годы и, видимо, с самого начала вызвало беспокойство некоторых политиков. Оно принесло Марию и закон о наделении его ветеранов земель в Африке, и консулат на 102 г. (с. 42–46).

Главной задачей Мариа в те годы, естественно, стала борьба с кимврами и тевтонами. Автор отмечает, что арпинат не был заинтересован в мирном урегулировании отношений с ними, что, впрочем, и неудивительно — после араузионского разгрома такой вариант в Риме полностью исключался и стоил бы политической карьеры его сторонникам. И хотя Марий успешно провел кампании против германцев и победил их, в античной традиции на решающих этапах этой борьбы его роль оказывается второстепенной (прежде всего стараниями недругов арпината, конечно). Но несмотря на попытку принизить его достижения, предпринятую Катюлом прямо на поле битвы при Верцеллах, именно на долю Мариа выпали вся слава победы и почитание, граничившее с обожевлением. Во время шестого консулата арпинат оказался во главе сильной политической коалиции. Однако в действительности позиция Мариа не отличалась прочностью: к жесткой конфронтации с сенатом он был не готов, о чем свидетельствует его притворная речь против аграрного законопроекта Сатурнина в сенате, а сам трибун с его склонностью к насилию отличался амбициями, которых у его коллег не было со времен Гая Гракха. Городские низы заняли неоднозначную позицию в отношении упомянутого законопроекта. В конце концов Марий возглавил подавление мятежа Сатурнина, что, впрочем, немного дало ему. «Стратегия, которая привела его к объединению сил с политическими агитаторами для проведения аграрной реформы, потерпела полный крах. Реформу не отменили, но у нас имеется очень мало свидетельств того, что она была осуществлена в сколь-либо значительных масштабах. Огромный политический капитал, который он накопил за время успешных кампаний в Северной Африке и Галлии, оказался растрочен» (с. 65). Однако не вполне понятно, чего еще мог ждать Марий после шести консулатов. Естественно, что многие нобили питали к нему неприязнь из-за того, что он, *homo novus*, пять лет подряд не освобождал консульское место для кого-либо из них, но влияние его, как уже говорилось, оставалось не столь уж малым. Поэтому и название соответствующей главы, «Падение Мариа», представляется не вполне удачным.

Трудно согласиться и с тем, что Марий публично выступал против возвращения Метелла из изгнания: в источниках прямо об этом не говорится, да и после распада его коалиции с Сатурнином не в его интересах была дальнейшая конфронтация со сторонниками Метелла, которым, судя по всему, сочувствовали многие влиятельные лица. А вот в том, что его поездка в Азию отнюдь не была обусловлена желанием спровоцировать новую войну и получить командование, не говоря уже о нежелании стать свидетелем возвращения Метелла, Сантанджело, как представляется, прав. Он вполне допускает, что встреча между Митридатом и Марием

имела место, но вряд ли последний произносил слова о том, что царю следует либо накопить больше сил, чем есть у римлян, либо выполнять их волю. «Мотивы Мария во время его поездки на Восток определить нелегко, однако не вызывает сомнений, что их следует рассматривать с учетом растущего интереса Рима к положению в Малой Азии и областях, соседствовавших с провинцией Азия» (с. 68).

После поездки в Азию Марий стремился вернуться на политическую арену, и порой не без успеха (введение в коллегии авгуров *in absentia*), однако в конце 90-х годов по авторитету Мария был нанесен чувствительный удар, когда Бокх соорудил на Капитолии скульптурную группу, изображавшую выдачу Югурты Сулле. Возмущение арпината понятно: мало того что ставилась под вопрос его репутация победителя Югурты — это делал иноземный царь (с. 68–69)!

Оценка деятельности Мария в Союзнической войне у Сантанджело в целом совпадает с выводами Лабицке. Марий вполне мог сочувствовать итальяцам, но честно воевал с ними, когда дело дошло до оружия. В том, что многие уже считали, будто победитель кимвров сражается куда хуже, чем прежде, ученый, подобно Лабицке, также склонен видеть влияние враждебной традиции, прежде всего Суллы (с. 71–73)¹².

Рассматривая события 88 г., Сантанджело считает, что Сульпиций с самого начала заключил соглашение с Марием, но законопроект о передаче ему командования внес не сразу¹³. Победитель кимвров добился командования не занимая должности, что стало первой подобной экстраординарной ситуацией со времен Сатурнина (это верно в смысле методов, но практика облечения частных лиц империем последний раз имела место куда раньше, в начале II в.). При этом Марий не стал проводить набора, а решил возглавить армию Суллы, что, однако, не спасло Рим от взятия его взбунтовавшимся войском (с. 74–81). После объявления Мария, Сульпиция и их 10 соратников *hostes*¹⁴ арпинату пришлось бежать, и спасся он, очевидно, благодаря поддержке своей обширной клиентелы, случай же с рабом-германцем, отказавшимся убивать полководца, выглядит весьма сомнительно. На Керкине, куда бежали Марий и его сын, они, по-видимому, отнюдь не были отрезаны от мира, как это стремится представить Плутарх, и вполне оперативно получали сведения, позволявшие Марию правильно оценивать политическую ситуацию. Автор обращает внимание на то, что высадился Марий в 87 г. не в Лации, ближе к Риму, а в Этрурии, рассчитывая там на особенно значительную поддержку. Он оказался одним из вождей коалиции, в которой основные силы составляли не римляне, а итальянцы. Речь теперь шла о соре не между двумя консулами, а группировками, участниками которых были как законно избранные магистраты, так и лицо, возглавлявшее частные армии, не имея какого-либо официального статуса, т.е. Марий (с. 81–89).

После взятия Рима Марий и Цинна начали расправу с побежденными, отличавшуюся от предыдущих: методично уничтожались люди, считавшиеся сторонниками Суллы, или просто негодные им лица. Это означало «конец политической фазы и создание режима, державшегося на совершенно новых основах: поражение людей, еще недавно игравших ведущую роль в римской политике, сопровождалось их сугубым публичным унижением», что стало прообразом для проскрипций Суллы и второго триумvirата, куда более длительных и жестоких (с. 92). Особое возмущение вызвало поведение эскорта Мария — бардиеев, набранных из бывших рабов, которых Цинна и Серторий почли за благо уничтожить уже при жизни арпината (с. 92–93). Вопрос немаловажный, поскольку в таком случае мы имеем доказательство крайне натянутых отношений внутри альянса победителей. Между тем нигде в источниках прямо не сказано, что Марий на момент расправы с бардиеями был жив, Орозий же (V. 19. 24) *expressis verbis* говорит об обратном, что и представляется более верным¹⁵. Сомнительно утверждение и о конфискации имущества казненных (с. 92) — на сей счет указаний в источниках нет.

¹² Правда, Сантанджело считает (с. 73), что победу над марсами Марий одержал совместно с Суллой (App. BC. I. 46). Немецкий автор категорически отрицает это (см. Labitzke 2013, 196).

¹³ Если со вторым тезисом можно согласиться, то первый вызывает сомнения; куда вероятнее, что Марий предложил Сульпицию союз, когда тот столкнулся с сопротивлением консулов (Luce 1970, 192–193 + n. 132).

¹⁴ Ф. Сантанджело вслед за многими другими учеными (литературу см. у Katz 1975, 102, п. 6) ошибочно приписывает этот акт только сенату (с. 81), хотя Веллей Патеркул (II. 19. 1) ясно дает понять, что был принят и закон (Sulla... lege lata exules fecit), то же очевидно следует и из Плутарха (Mar. 43. 3–4).

¹⁵ Так полагал, кстати, еще Т. Моммзен, оставшийся, впрочем, в меньшинстве (см. Mommsen 1881, 314).

Как и Лабичке, Сантанджело полагает, что Марий не назначил себя консулом на 86 г. (Liv. *Per.* 80), а был избран с соблюдением необходимых процедур. Однако уже в середине января 86 г. он умер (с. 93–94). Его преемники, которых в источниках называют *Mariani*, таковыми, в сущности, не были, поскольку нет сведений, чтобы они продолжали политику Мария (с. 96), однако автор не конкретизирует, что он имеет в виду; во всяком случае если считать арпината сторонником расширения прав италийцев, то его наследники немало сделали в этом отношении. Образ Мария привлекал к себе внимание в последующие десятилетия: Цезарь восстановил памятники его побед, Цицерон написал посвященную ему поэму и не раз упоминал в своих речах и сочинениях для узкого круга, оценивая его в зависимости от контекста и вкусов аудитории (см. ниже). Однако вскоре, еще до установления принципата, образ победителя кимвров утратил политическую актуальность, став достоянием исторической памяти — исключением стала лишь поэма Лукана о гражданской войне, где Марий выступает в роли предшественника Цезаря. Символом нового восприятия Мария стала его статуя на Форуме Августа среди статуй других героев римской истории. В элгии на ее подножии о его роли в разгроме Сатурнина и избавлении *res publica* от беспорядков говорилось почти в тех же выражениях, в каких Август пишет о себе в *Res gestae* (1. 1). Сохранение устойчивого интереса к фигуре Мария уже во времена авторитарного режима симптоматично и говорит само за себя (с. 95–103).

Таким образом, в книге представлена куда более объективная картина деятельности Мария, чем у Лабичке, в ней есть немало полезных наблюдений, однако, как можно было видеть, далеко не все ее положения должным образом аргументированы, немало в работе и фактических погрешностей¹⁶.

Вышло и несколько работ, посвященных конкретным аспектам марианской проблематики. Значительное место отведено Марию в работе П. Ассанмаке, посвященной развитию и проявлению «императорской» идеологии в конце II — начале I в. до н.э.¹⁷ Автор справедливо отмечает, что кризис республики, порожденный социальными, экономическими и структурными факторами, был также кризисом менталитета и традиционного политического поведения (с. 17). В связи с предоставлением чрезвычайных полномочий отдельным лицам, которым расположение народа или армии давало в распоряжение мощное средство давления, произошла поляризация влияния внутри нобилитета, повлекшая за собой развитие новой идеологии и новых способов общественной коммуникации. Стремясь к легитимности и консенсусу, эти *principes* политической сцены все время должны были убеждать солдат и граждан Города в своем превосходстве и в благосклонности богов, которая им сопутствует. Поскольку их преобладание основывалось на военных успехах, им приходилось заботиться о сохранении ауры «провиденциальных» полководцев. По мнению автора, эту идеологию, разработанную императорами и для императоров, следует именовать «императорской» (с. 18).

Первыми в ряду таких полководцев автор справедливо считает Мария и Суллу. Хотя римляне издавна отличались воинственностью и «идеология победы» прочно укоренилась в менталитете римской аристократии, именно с Мария начинается возвеличивание военных успехов императора, которое служит для легитимации последовательности почестей, противоречащей традиционному функционированию *res publica*. Подобное имело место за сто лет до Мария, в карьере Сципиона Великого, но, в отличие от него и всех предшествующих императоров, Марий был *homo novus* и не мог сослаться на какую-либо семейную славу при выстраивании своей карьеры; экстраординарный *cursus honorum* ему обеспечили собственные *res gestae*. Начиная с него прославление победы, ранее носившее характер общественный или гентильный, стало приобретать более персональный характер, и саморепрезентация Суллы имела в качестве модели саморепрезентацию Мария (с. 20).

Хронологические рамки исследования П. Ассанмаке определяет как 107–82 гг., т.е. от первого консулата Мария до завершающего сражения гражданской войны, битвы у Коллинских ворот (с. 23–24). Автор справедливо отмечает скудость данных о времени между битвой при Верцеллах и началом Союзнической войны (с. 32), а потому рассмотрению собственно марианской «императорской» идеологии предшествует краткое рассмотрение вопроса о том, насколько велико было политическое влияние Мария в 90-х годах (с. 32–35). Для начала этого периода характерно падение политического влияния Мария. В условиях торжества своих

¹⁶ Например, Капса перепутана с мулукской цитаделью (с. 36), на с. 45 сказано, будто трибуна Бебия забили камнями, хотя в действительности его лишь прогнали ими (*De vir. ill.* 73. 1), Митридат VI назван персидским царем (с. 86), а Гн. Помпей Страбон — Квинтом (с. 87, 123), и т.д.

¹⁷ Assenmaker 2014, 20–150.

противников Марий отправляется на Восток, где встречается с Митридатом и дает ему свой знаменитый совет (см. выше). По мнению П. Ассанмаке, его слова носили провокационный характер и прямо указывают на то, что в это время Марий подумывал о восточной кампании, в которой он получил бы командование. При этом, как считает автор, «более чем вероятно» объяснение Плутарха: Марий добивался новой военной славы, чтобы вернуть себе первенствующее положение. Однако почти полное молчание в источниках о Марии в 90-х годах не означает, что он совершенно лишился политического веса. Арпинат относился к числу старших сенаторов; хотя он и отказался баллотироваться на должность цензора, он был избран авгуром *in absentia*; в 97 г. цензорами были избраны два его сторонника, М. Антоний и Л. Валерий Флакк, что демонстрирует сохранение победителем кимвров серьезных позиций в политике.

Для анализа саморепрезентации Мария П. Ассанмаке использует литературную традицию в сопоставлении с нумизматическими данными. Первая дает ему возможность восстановить мизансцену появления Мария в облачении триумфатора в сенате и содержит сведения о памятниках, сооруженных для прославления побед; вторые, т.е. монеты, дают возможность понять иконографический язык, которым пользовался Марий.

Началом формирования «императорской» идеологии Мария послужило его празднование триумфа над Югуртой 1 января 104 г., в первый день его второго консулата. Поскольку избрание Мария консулом находилось на грани легитимности, такое совпадение наверняка не было случайностью: император, несомненно, хотел придать этому нарушению дополнительный символический вес, основанный на его военном престиже. Возможно, он этим предпринял попытку объединить, пусть даже символически и только на один день, сакральную ауру триумфатора и высший империй консула. Подтверждением этому может служить то, что после триумфа Марий пришел в сенат в триумфальном облачении. Одного этого факта недостаточно, чтобы говорить о его попытке установить «монополию на триумф»; с другой стороны, в том, что касается «гордыни триумфатора» Мария, следует принимать в расчет сильное влияние враждебной историографической традиции, которая преувеличивала негативный смысл этого эпизода¹⁸. В любом случае невозможно переоценить значение церемонии триумфа и победной символики для имиджа, который Марий хотел себе создать (с. 98–101).

Битва при Верцеллах еще больше окружила божественной аурой победу и победителя. Флор (I. 38. 19) и Плиний Старший (VII. 86) сообщают о том, что о победе чудесным образом стало известно в Риме в самый день сражения. Это указывает на существование традиции об эпифании Касторов, т.е. братьев Диоскуров, в день битвы. Согласно римской легендарной традиции, они чудесно явились в Риме во время битвы при Регилльском озере; их новое появление во время войны с германцами уподобляет победу над ними одной из решающих побед Римской республики. Еще одна аналогия — это история о чудесном получении известия о пленении македонского царя Персея Эмилием Павлом; таким образом, сражение при Верцеллах ставилось в один ряд со славной победой при Пидне. Имеющиеся у нас данные не позволяют сказать точно, кто именно пустил в оборот эту пропагандистскую историю, Катул или Марий, и все-таки Марий кажется более вероятным кандидатом на эту роль, учитывая его вкус к религиозной мизансцене победы. Это не значит, что Марий сам придумал историю о чудесном знамении, связанном с Эмилием Павлом, он мог слышать рассказ об этом от его сына Сципиона Эмилиана, участвовавшего в битве при Пидне (с. 103). При этом даже если рассказ об эпифании Диоскуров восходит все-таки к Катулу, престиж в любом случае доставался Марию, поскольку его империй был выше и он автоматически считался победителем в кампании. Это свидетельство особенно интересно с точки зрения саморепрезентации Мария: после своих побед, когда нобилитету волей-неволей пришлось его признать, он стремился встать в один ряд с наиболее великими триумфаторами и помещал свой военный успех под покровительство Диоскуров, патронов конницы и благородных всадников. Весьма интересна интерпретация упоминания в элогии Мария *veste triumphali calceis patriciis*. Моммзен отнес эти слова, контекст которых неизвестен, к событиям 1 января 104 г.; Ассанмаке считает, что поскольку смысл этих слов в элогии позитивен, они вряд ли могут относиться к тому заседанию сената и скорее речь должна идти о почести, которую не упоминает литературная традиция, предоставленном Марию праве появляться в триумфальном облачении во время *ludi circenses*. Это опять-таки сближает его с Эмилием Павлом, имевшим такую же привилегию (*De vir. ill.* 56. 4; с. 105).

¹⁸ Во всяком случае Цицерон, неоднократно говоривший и хорошее, и плохое о своем знаменитом земляке, об этом инциденте не упоминает ни разу (см. Ooteghem 1964, 178).

В этом же контексте, который Ассанмаке называет «аристократической» мизансценой», рассматривается стремление Мария изменить свою саморепрезентацию. Если в начале Югуртинской войны он выставлял себя человеком грубым и необразованным, то после одержанной им победы, когда ему было необходимо не только поддерживать свою популярность в народе, но и влиться в состав нобилитета, он позаботился о том, чтобы его имидж соответствовал его новому рангу. Этой цели служило общение с деятелями культуры (Архий, Л. Плотий Галл: *Cic. Arch.* 19–20), организация греческих игр (*Plut. Mar.* 2. 2–4) и т.п.

Еще один аспект нового образа Мария, выделяемый Ассанмаке, — это почести, которые не носили официального характера. Согласно Плутарху (*Mar.* 27.9), его именовали третьим основателем Города, и во время праздничных трапез в каждом доме посвящали начатки яств и совершали возлияние Марию. Однако никто из латинских авторов не именует его *conditor*, так что слова Плутарха не являются точным переводом выражения. Что касается сопоставления Мария с двумя более ранними основателями Города, то, как резонно замечает Ассанмаке, на основании одного этого пассажа Плутарха невозможно говорить о Ромуловой пропаганде Мария. Однако не исключено, что в сведениях о сравнении его с Камиллом есть историческая основа. Победа над германцами была сопоставима с победой Камилла над галлами и возносила Мария на один уровень с этим героем, что, в свою очередь, укрепляло его политические позиции¹⁹.

Если обратиться к почестям, которые воздавались Марию во время пиров, то возлияния вообще не означают официального обождения полководца или хотя бы культа его гения. Эти почести были спонтанными и возникли на волне всеобщего ликования и преклонения перед победителем. Сам Марий тоже участвовал в создании представления о своих особых связях с богами: после победы он стал пить из канфара — сосуда, который прочно отождествлялся с Дионисом-Вакхом. Приводя свидетельства об этом Валерия Максима (III. 6. 6) и Плиния Старшего (XXXIII. 150), Ассанмаке подчеркивает, что речь должна идти об уподоблении именно Дионису с его победами, а не об *imitatio Alexandri*. Несмотря на то что македонский завоеватель широко использовал образ Диониса, в источниках нет данных, что Марий пытался сыграть на сопоставлении себя с Александром. Скорее всего он сравнивал свои победы с Вакховыми, подчеркивая, что его победы, одержанные человеком и над людьми, сопоставимы только с победами божества. Тем самым Марий положил начало процессу «подражания божеству», который получит свое завершение в эпоху Августа.

Пожалуй, наиболее интересными страницами, посвященными Марию, являются те, где Ассанмаке анализирует «марианскую» чеканку (с. 112–128, 135–145). К ней он относит денарии Л. Кассия Цециана, Г. Фабия, Л. Юлия, Г. Фундания, Д. Силана (*RRC* 321, 322/1, 323, 326/1, 337/1) и квинарии Г. Фундания, П. Корнелия Лентула Марцеллина, П. Сабина, Т. Клелия²⁰, Г. Эгнатулея (*RRC* 326/2, 329/1, 331, 332, 333). Несмотря на то что датируются эти монеты по-разному, все варианты датировок находятся между 102 и 88 г. (см. сводную таблицу на с. 127–128). Символика этих монет носит в основном победный характер²¹, причем Ассанмаке обращает особое внимание на квинарии, выпуск которых возобновился в это время после столетнего перерыва. Хотя конкретные цели возобновления чеканки указать трудно, несомненно одно: судя по тому, что изображения на монетах прославляют победу над варварами, галлами или германцами, а их победителем в это время являлся только Марий, эти выпуски отражали марианскую пропаганду и были инспирированы популярями.

Из этого победного монетного типа Ассанмаке особо выделяет денарий Г. Фундания (*RRC* 326/1), на реверсе которого впервые в истории римской монетной чеканки триумфальной квадригой управляет не божество, а человек. Он справедливо подчеркивает, что тем

¹⁹ Здесь вопрос более сложен, чем представляется Ассанмаке. Дело в том, что звание «второго основателя Рима» применительно к Камиллу само подвергается сомнению. С. Вайнсток на основании того, что такое почетное прозвище не применялось к Сципиону Старшему, закончившему самую страшную войну в римской истории, считает, что традиция такого именования возникла позже (Weinstock 1971, 177–178). Таким образом, возможно, никакого сравнения Мария с Камиллом как «вторым основателем» современники не проводили, что, конечно, не отменяет значимость почетного, пусть и неофициального, прозвища, которое получил Марий.

²⁰ В монетной легенде он пишется как T CLOVLI. Т. Вайзман идентифицировал его с Т. Клелием, одним из марианских полководцев в 83 г. или каким-то его родственником (Wiseman 1967, 263).

²¹ Единственное исключение здесь — денарий Д. Силана, на аверсе которого изображена Церера, а на реверсе — упряжка быков (*RRC* 337/1). Ассанмаке справедливо отмечает связь этого выпуска с аграрной программой Мария и его приверженцев (с. 125–126).

самым было положено начало новому типу монет, прославлявших триумфы, и «триумфальная» и «императорская» идеология получила новый способ выражения (с. 135), а весь вектор саморепрезентации ведущих политических фигур обрел новое направление (с. 138). Обращая внимание на изображение богини Ромы на аверсе, Ассанмаке предлагает очень интересное прочтение ее смысла, выраженного двумя сторонами монеты. Рома выражает древнее, общественное значение монеты; триумфатор на квадриге — ее персональное содержание. Марий стал им, потому что спас Рим от грозной опасности; его триумф — это гарантия и выражение могущества Рима (с. 139–140).

Рассмотрение нумизматического материала позволяет Ассанмаке сделать важное наблюдение: большая часть этих эмиссий относится к 90-м годам, т.е. периоду, когда Марий почти совершенно исчезает из письменных источников (с. 128–129). Следовательно, в эти годы прославление его побед продолжалось, и монетная чеканка была здесь важным инструментом.

Из литературной традиции нам известно и о существовании трофеев, воздвигнутых Марием в честь своих побед. Они были разрушены Суллой и затем восстановлены Юлием Цезарем (Plut. *Caes.* 6. 1; Suet. *Iul.* 11. 2; Vell. II. 43. 4). Проанализировав дошедшую до нас информацию, Ассанмаке приходит к заключению, что таких памятников было два, один — в честь победы над Югуртой, другой — за победу над кимврами и тевтонами (с. 31). Они произвели сильное впечатление на современников и вызвали резкую реакцию со стороны Суллы, выразившуюся в установке мавретанским царем Бокхом на Капитолии скульптурной группы, изображавшей выдачу им Югурты Сулле.

Рассмотренный материал демонстрирует крайнюю важность, которую саморепрезентация приобрела в глазах римской элиты, превращавшей победы, одержанные на бранном поле, в инструмент престижа и власти на политической арене. Памятники, воздвигнутые Марием, закрепляли в глазах нобилитета и народа его образ как победоносного императора, увековечивали в роли спасителя отечества; то же содержание прослеживается в марианских монетных эмиссиях. Совпадение данных литературной традиции со смыслом памятников, воздвигнутых Марием, и монетных эмиссий его приверженцев демонстрирует целенаправленность марианской пропаганды на протяжении 90-х годов. Ее центральной темой были победы полководца, и это выражено двумя образами простыми и яркими — Викторией и трофеем, которые были возможно комбинировать различным образом (с. 134).

Таково основное содержание разделов монографии Ассанмаке, посвященных Марию. Как видим, автор попытался решить важную проблему, связанную с саморепрезентацией арпината, опираясь на разрозненные свидетельства источников. Сама постановка такой задачи может только приветствоваться, и работа Ассанмаке является наиболее систематическим (а может быть, и единственным) рассмотрением этой проблемы. С другой стороны, разрозненность свидетельств порождает неизбежную гипотетичность отдельных частных наблюдений. Так, сомнения вызывает трактовка Ассанмаке встречи Мария и Митридата (с. 33). Интересно, что, рассматривая точки зрения других исследователей на эту встречу (с. 33, прим. 15), он даже не оговаривает сомнения ученых в достоверности всей истории²². Сомнительно и упоминание карьеры Сципиона как прецедента экстраординарной карьеры Мария (с. 20). Дело здесь не в том, что Марий был *homo novus*; дело в том, что его карьеру, в отличие от карьеры Сципиона, вряд ли можно назвать экстраординарной — он медленно продвигался от должности к должности, своевременно достиг консулата, и лишь чрезвычайные обстоятельства вызвали к жизни его блестящий взлет, который, строго говоря, находится уже за пределами обычного *cursus honorum*. Не будь нашествия варваров, Марий скорее всего так и остался бы одним из консуляров и его роль была бы близка к той, которую он играл в 90-х годах. Частности, однако, не мешают принять основные выводы, которые в значительной степени корректируют представления о Марии как грубом воине, который действовал опираясь исключительно на военную силу.

Л. Бальестерос Пастор посвятил статью знаменитой встрече Мария и Митридата²³. Он связывает ее с ситуацией в Каппадокии. Исходным моментом его построений служит то, что Митридат всячески подчеркивал свое родство с каппадокийским царским домом; именно связи Митридатидов и Ариартидов могли оправдать его притязания на соседнее царство и поддержку, которую оказывали ему некоторые представители каппадокийской знати. Однако после смерти Ариарата VIII и пресечения династии Митридат предпочел не аннексировать Каппадокию, а посадить на ее трон своего сына под именем Ариарата IX. Причиной этого

²² Magie 1950, II, 1098, n. 13; Sherwin-White 1977, 74.

²³ Ballesteros Pastor 2014, 225–239. См. также его более раннюю работу на эту тему: Ballesteros Pastor 1999, 506–508.

исследователь считает римское вмешательство. Марий отправился в Пессинунт в 99/98 г. под предлогом исполнения религиозного обета; однако Бальестерос Пастор солидарен с теми авторами, которые считают, что он отправился на Восток не как частное лицо, а как официальный посол римского государства. Целью его посольства было получение сведений о ситуации в Северной Анатолии из первых рук. На протяжении некоторого периода до открытого конфликта Митридата Евпатора и Ариарата VIII должны были происходить военные приготовления, набор войск и т.д., и это открывало для Мария большие возможности, оправдывая его появление в Каппадокии и делая подходящим кандидатом на командование в случае вступления Рима в войну. Но в любом случае независимо от статуса Мария эта поездка должна была поднять его престиж.

Что касается известных слов Мария, то они напоминают исследователю слова Александра, обращенные к римлянам, которые передает Мемнон (*FGrH* 434.18.2)²⁴. По его мнению, нет оснований сомневаться, что Марий угрожал Митридату войной, но тот очередной раз предпочел повиновение. Такую заинтересованность Рима в сохранении Ариаратидов у власти Бальестерос Пастор объясняет тем, что эта династия была связана с семейством Гракхов и потому римские популяры оказывали ей свою поддержку. Кроме того, связи Митридата с сенатской аристократией в Риме давали Марию дополнительные основания для вмешательства: опасное развитие событий, которое провоцировала понтийская политика, обнаруживало ошибку тех, кто считал Митридата неопасным для Рима. Конечно, Марий не рассчитывал спровоцировать войну — он был всего лишь послом, а для войны нужна была помощь наместников провинций. Но им запрещалось выходить за границы подведомственных территорий, а кроме того, попытки доказать, что наместниками являлись в то время сторонники Мария, не увенчались успехом. В общем, оценивая намерения Мария, Бальестерос Пастор выражает согласие с Б. Макгингом: Марий стремился не разжечь войну, а изучить возможность или вероятность ее возникновения. В целом испанский исследователь подчеркивает положительный итог миссии Мария: она побудила Митридата к более осторожной политике и предотвратила аннексию соседнего царства.

В целом эта статья не отличается особой новизной. Те же самые мысли в разных комбинациях высказывались неоднократно, и ни одна из них не может быть доказана. В сущности, все обусловлено выбором из группы аксиом: Марий был / не был официальным лицом; политика Митридата была / не была агрессивной и т.д. При этом остается еще главный неразрешимый вопрос, а произносил ли Марий вообще свою знаменитую фразу. В данном случае созвучие со словами Александра, о котором говорит Бальестерос Пастор, скорее усугубляет сомнения, чем их рассеивает: не являются ли подобные фразы всего лишь литературным штампом? Ведь дипломатические сношения римлян с Александром сами по себе вызывают большие сомнения, скорее всего их просто не было²⁵; но тогда невелика и цена отмеченного автором сходства.

Проблематичен и официальный статус Мария. Предположение об этом выдвинул А. Пассерини и затем развила М. Сорди; но оно основано на надписи *CIL* I² 845, в которой имя не сохранилось и было дополнено²⁶. Таким образом, и этот аргумент повисает в воздухе²⁷. Так, рассматривая одно положение за другим, можно разрушить всю конструкцию, введенную Бальестеросом Пастором. Пожалуй, наиболее оригинальным положением статьи выглядит тезис о связи Митридата с римскими популярами, но и он недоказуем: из того, что Тиб. Семпроний Гракх, отец трибунов, в свое время дважды побывал с дипломатической миссией в Каппадокии и установил дружеские отношения с Ариаратидами, вовсе не следует, что эти связи сохранились и обеспечили поддержку популяров. Все это кажется скорее фантазией на тему, чем серьезным предположением.

А. Аллели, рассматривая провозглашение врагом в Римской республике, естественно, уделяет внимание и Г. Марию²⁸. Автор обращается к нему в связи с событиями 88 г., порожденными двумя факторами, имевшими, по его мнению, «большое значение в институциональном плане» (с. 21): борьбой получивших гражданство союзников за распределение по всем

²⁴ В более ранней статье Бальестерос прямо пишет, что эти слова выражают *imitatio Alexandri* со стороны Мария (Ballesteros Pastor 1999, 506).

²⁵ Обстоятельное рассмотрение вопроса см. Bubnov 1998, 99–109.

²⁶ На это указывает сам ученый (Ballesteros Pastor 2014, 229, п. 23).

²⁷ Справедливости ради стоит отметить, что построения М. Сорди уже давно подверглись критике (см., например, McGing 1986, 76).

²⁸ Allély 2012, особ. см. 21–27.

трибам и соперничеством за сулившее военную славу и богатую добычу командование в войне с Митридатом Евпатором. Он подчеркивает, что взятие Рима войсками Суллы было «нарушением беспрецедентного масштаба», поскольку Сулла и его армия незаконно вошли в сакральное пространство Города и ввели войска в периметр, границы которого охранялись религиозным запретом.

Что касается самого объявления Мария и его сторонников врагами, то его процедура представляет для исследователей сложности, поскольку не вполне ясно, было ли оно оформлено как SC или как *lex*. Одни авторы пишут, что врагами марианцев объявил сенат (Cic. *Brut.* 168; Liv. *Per.* 77; Val. Max. I. 5. 5; III. 8. 5; Flor. II. 9. 6), другие — о голосовании комиций и тем самым принятия закона (Vell. II. 19. 1; Diod. XXXVII. 29. 3; косвенно — Plut. *Mar.* 43. 3; App. *BC.* I. 60—61). Соответствующую процедуру Аллели реконструирует следующим образом: после взятия Города Сулла созвал сенат и в качестве консула провел *senatus consultum* об объявлении врагами Мария и его соратников, а на следующий день он собрал трибутные комиции, которые приняли закон об *interdictio aqua et igni* (с. 24).

Что касается самой процедуры, то Аллели не согласен с исследователями, которые пытаются так или иначе свести ее к модификации *senatus consultum ultimum*: применительно к 88 г. до н.э. сведений о ней в источниках нет. Изобретенная Суллой процедура давала римским политикам возможность в ходе гражданской войны приравнять своих противников к внешним врагам. Сам Сулла, используя уловку с этим законом, быстро уничтожил своих врагов, которые больше не рассматривались как граждане и, соответственно, могли быть уничтожены без судебного разбирательства (с. 25).

Далее Аллели рассматривает конкретное содержание закона. Под его действие попадали 12 марианцев, включая самого Г. Мария и П. Сульпиция Руфа, наиболее активных в противостоянии Сулле. Против них было выдвинуто обвинение в мятеже, в том, что они подняли оружие против консулов и призвали к оружию рабов. Содержание закона подробно излагает Аппиан, но у Веллея Патеркула сохранились следы иной традиции: по его словам, противники Суллы были изгнаны из Города на основании проведенного им закона (II. 19. 1). Здесь Аллели принимает трактовку, согласно которой изгнание было осуществлено при помощи *aqua et igni interdictio* — акта, который был осуществлен комициями после того, как сенат объявил Мария и его сторонников врагами (с. 27). В итоге, констатирует Аллели, Сулле удалось устранить из Рима зачинщиков смуты, но сам он положил начало эскалации насилия, которая привела к проскрипциям в 82 г. Его мероприятия оказались неудачными вдвойне — все изгнанники, кроме убитого Сульпиция, вернулись в Город в следующем году и приняли аналогичные меры против самого Суллы.

Любопытную версию событий конца 89 г. и роли в них Мария предложил Г. Хефтнер²⁹. Вслед за А. Кивни он отвергает традиционную трактовку фрагмента Диодора (XXXVII. 2. 12), согласно которой Марий боролся с Цезарем Страбоном за консульство на 88 г. Тем не менее борьба между ними была, но не за высшую магистратуру, а за *imperium extraordinarium* для командования в войне против Митридата. Однако сенат объявил Азию консульской провинцией, и Марий отступился, тогда как Цезарь Страбон включился в борьбу за консулат, закончившуюся для него неудачей. Но такая точка зрения, как представляется, основана на слишком смелом толковании источников. Более верной нам кажется позиция Кивни: в борьбе Цезаря Страбона и Сульпиция Диодор или его эксцерптор Фотий увидел борьбу Цезаря и Мария, учитывая последующий союз полководца и трибуна³⁰.

Ф. Готье в скептическом ключе рассмотрел в одном из разделов своей диссертации так называемую реформу Мария³¹. Он отмечает, что нет признаков ликвидации Марием призыва на регулярной основе — он сохранялся и в I в. до н.э. Полководец взял в армию лишь несколько тысяч *proletarii* / *capiti censi* в качестве *supplementum*, новым было то, что это произошло не в чрезвычайных условиях, какие возникали во время Второй Пунической или Союзнической войн. Нет должных оснований также считать Мария создателем когорты как новой тактической единицы — она возникла раньше и, видимо, сосуществовала с манипулом. Не заменял Марий и «гражданскую» кавалерию профессиональной — речь, как и в предыдущих случаях, шла о постепенном процессе, подогревавшемся падением интереса нобилей к службе в коннице. Он также не упразднял отряды велитов, которые встречаются еще в армии Суллы во

²⁹ Heftner 2008, 79—100.

³⁰ Keaveney 1979, 452—453.

³¹ Gauthier 2015, особ. см. 87—103.

время кампании в Греции. Что же касается наделения воинов землей, то оно сыграло немалую роль в привлечении на службу добровольцев. С одной стороны, в принцип оно до империи не превратилось, но сам факт, что ветераны Мария получили в Африке наделы не менее чем в 100 югеров, порождал надежды у малоимущих, что есть надежда благодаря военной службе попасть в «средний класс». Возможно также, что арпинат обещал экипировать воинов *supplementum* за свой счет, а также давал щедрые донативы. Но все это носило не институциональный характер, а было лишь мероприятиями самого Мария *ad hoc*, которые отнюдь не стали правилом. Формирование же профессиональной армии закончилось при Августе.

Хотя точка зрения Ф. Готье в целом не нова, она представляет интерес, поскольку подкрепляется интересной подборкой данных источников, да и старая трактовка «реформы Мария» (*mutatis mutandis*), как показано в диссертации, сохраняет немало сторонников.

Сохраняется интерес к месту Мария в античной традиции. В одной из статей Сантанджело анализирует, в частности, образ Мария в сочинениях Цицерона³². Первые 20 лет своей политической деятельности Цицерон воздерживался от сравнения себя с Марием, но *post reditum* стал охотно прибегать к такой аналогии. Однако если при выступлении в сенате он делал акцент на *tempestas civilis* по возвращении арпината (тогда как сам Цицерон вернулся без таких эксцессов), то в речи к народу этот акцент слабее: об учиненных Марием убийствах упоминается, но нападки на него самого отсутствуют, и он показан лишь как один из изгнанников наряду с Поппием Ленатом и Метеллом Нумидийским, даже воздается должное его заслугам, но жестокости Мария это не извиняет, Цицерон же вернулся при всеобщем согласии граждан. Сравнение себя с Марием помогало ему доказать, что Клодий и его сторонники, в отличие от самого оратора, не являются истинными популярами, ибо они изгнали его так же, как Сулла Мария — отождествление, крайне невыгодное для популяров.

Положительный образ победителя кимвров возникает в *De divinatione* (I. 59; 106) и *Pro Rabirio perduellionis reo* (27–29). В первом случае оратор выражает искреннее восхищение победами земляка, во втором восхваляет его за расправу над Сатурнином и Главцией, ставя его в один ряд с *boni* и называя *clarissimus*. В *Pro Balbo* (50) Марий одобряется за дарование гражданства 1000 камеринцев. Перед нами выдающийся полководец и хороший магистрат — качества, которые вполне устраивали оптиматов. Зато в философских сочинениях последних лет, в которых Цицерон куда охотнее использовал исторические примеры, нежели в речах того времени, вновь возобладал критический подход: оратор хотел остановить опасное развитие событий, в контексте которых в образе Мария его интересовали отнюдь не положительные качества. В *De natura deorum* (III. 80), отрицая от имени Котты заботу богов о людях, он обвиняет Мария в гибели Катюла, *praestantissima dignitate virum*. В *De officiis* (III. 79), рассуждая о балансе *utile* и *bonum*, Цицерон упрекает Мария, что тот достиг консулата ложными обвинениями Метелла в затягивании войны, а в I. 76 дает понять, что Марий был годен для одной лишь войны.

В заключение Сантанджело пишет, что лишь в зрелые годы Цицерон считал важным примириться с наследием Мария, причем примирение это оказалось более глубоким и личным, чем в случае с Суллой, и делал он это в разных случаях по-разному, в том числе в зависимости от вкусов аудитории. Он стремился показать, что не только мог поступать лучше, чем Марий, но даже, возможно, и был лучше его и в политическом, и в моральном отношении, а так ли это на самом деле — другой вопрос.

Статья О. Девилле посвящена образу Мария в пропаганде времени Августа на примере поэзии Проперция³³. Исходя из того, что Марий упоминается в его стихах чаще других героев римской истории (впрочем, в любом случае немного, всего пять раз) и рассматривается поэтом как выдающаяся личность, автор подчеркивает недостаточность объяснения этого лишь личными пристрастиями поэта — следует учитывать влияние августовской пропаганды. Между тем в трех случаях из пяти поэт упоминает Мария в связи с битвой при Акции — ключевым событием в становлении нового режима (с. 117).

Девилле рассматривает контекст всех упоминаний Мария (с. 119–122). Первое упоминание содержится в II. 1. 24, где величие побед Августа начиная с Мутинской войны и заканчивая битвой при Акции противопоставляется более древним событиям, в том числе *Cimbrogumque minas et bene facta Mari*. Таким образом, полководец выступает здесь не в связи с его успехами в Африке, а как победитель кимвров. В III. 3. 41–46 победа Мария над тевтонами упоминается наряду с победой Цезаря над Ариовистом, так что в военном контексте оба они оказываются

³² Santangelo 2008, 597–607.

³³ Devillers 2013, 117–126.

предшественниками Августа и его германских кампаний — возможно, строки намекают на его действия против свефов в 29 г. до н.э. Таким образом, в образе Мария ретушируются черты, связанные с пропагандой времени гражданских войн. Следующее упоминание (III. 5. 16) носит чисто моралистический характер — в нем идет речь об одинаковой судьбе победителей и побежденных в потустороннем мире, хотя, возможно, Проперций не случайно говорит здесь о Марии, который сидит там рядом с Югуртой, т.е. об «африканском» победителе, а не победителе кимвров. В III. 11. 39–46, перечисляя злодейские замыслы Клеопатры против Рима, поэт приписывает ей намерение *iura dare et statuas inter et arma Mari*. Здесь Марий не просто победитель, но символ победы Рима. С другой стороны, упоминание трофея Мария, уничтоженного Суллой и восстановленного Цезарем, вновь связывает этих двух полководцев. Наконец, в IV. 6. 66, в связи с годовщиной посвящения храма Аполлона Палатинского, Проперций опять упоминает победу над Клеопатрой и триумф над ней, когда ее проведут той же дорогой, по которой некогда вели Югурту.

В заключение обзора отмечается, что элегии Проперция, относящиеся к битве при Акции, в целом вписываются в официальную версию. Однако уже с первых упоминаний, как кажется, появляется возможность переоценки «германского» Мария; кроме того, все упоминания (за исключением III. 5. 16) содержат прямую или косвенную ассоциацию Мария с Цезарем. Такое сближение не может быть случайным — Август превозносил завоевания Цезаря, отодвигая на задний план его участие в гражданских войнах, и, возможно, в общем подобную трактовку предполагал для Мария (с. 121–122). Выдвижение на первый план победы Мария над кимврами могло быть отсылкой к успехам Августа на Западе. Это обрело особую важность после того, как германское направление стало приоритетным для Августа, и триумф Тиберия 1 января 7 г. до н.э. мог напоминать о триумфе Мария, первом великом триумфе над германцами. Позже, после поражения Вара, вызвавшего в памяти призрак кимврского вторжения (Vell. II. 120. 1 — в статье ошибочно 102.1), не исключено использование в императорской пропаганде побед Мария для быстрой мобилизации сил Рима (с. 122).

Подобным же образом военные заслуги Мария выдвигаются на первый план в тексте элогия с форума Августа. В особенности это относится к его победам над германцами; что касается седьмого консульства, то в элогии не скрываются ни превратности судьбы Мария (*patría per arma civilia expulsum armis restitutus*), ни его роль в событиях. Это соответствует образу Марии-полководца, но принижает его как политика, не способного обеспечить согласие, которым характеризуется правление Августа (с. 123–124).

Тит Ливий писал примерно в то время, когда на форуме Августа были помещены статуи римских героев, и невозможно предположить, чтобы два памятника во славу Рима, форум и исторический труд, создавались независимо друг от друга. На первый взгляд, его отношение к Марию более сурово, чем в элегии, но, в сущности, повествование сводится к тем же темам — подчеркивание успехов полководца в борьбе с чужеземцами и упор на отсутствие *concordiae* в его поведении во внутривластных делах. В любом случае в сфере внутривластной Август следовало четко отделять от Мария, но одинаковое количество их консульств могло дать повод для сравнения двух персонажей³⁴ (с. 124–125).

Наконец, Овидий (*Pont.* IV. 3. 45–48) приводит Мария как пример переменчивости Фортуны наряду с Крезом, Дионисием II Сиракузским и Помпеем. Его несчастья изображаются Овидием как чисто личные, но, в сущности, отношение остается тем же, что в элегии и у Ливия (с. 125).

Итак, элегии Проперция позволяют проследить эволюцию образа Мария в эпоху Августа. В элегиях III. 11 и IV. 6 еще сохраняется отношение к Марию как победителю в Африке, которое пропагандировалось во время африканской кампании, однако оно уже менее заметно в сравнении с «цезарианским» Марием, который присутствовал уже в других обращениях к этому персонажу (II. 1. 24; III. 3. 43). Это было следствием того, что испанские и германские кампании Августа создали условия для выдвижения на первый план всех кампаний Мария. Тем самым усиливалось сближение последнего с Цезарем, победителем Ариовиста, и в общем это была схема сопоставления — великий завоеватель, не очень удачливый во внутренней политике, — которая, кажется, входила в официальную трактовку обоих персонажей (с. 125–126).

В. Паркер обращается к освещению в античной традиции раннего этапа карьеры Мария³⁵. В ней существовало на сей счет две версии: согласно Саллустию, карьера арпината развивалась успешно и люди считали его «достойным более высокой должности, чем та, какую он

³⁴ Очевидно, автор подразумевает, что Октавиан был семь раз консулом до 27 г. до н.э., когда он принял титул Августа, но в тексте это никак не оговаривается.

³⁵ Parker 2007, 131–145.

исполнял» (*Iug.* 63. 4–5, пер. В.О. Горенштейна; также см. *De vir. ill.* 67.1), Плутарх же рассказывает о провале Мария на выборах в курульные и плебейские эдилы в один день и нелегком избрании в преторы (последним из всех), после чего ему пришлось защищаться в суде от обвинения в подкупе избирателей (*Mar.* 5). Обе версии, по мнению Паркера, верны, и обе предполагают серьезное искажение материала — все зависит от ракурса: враждебные Марию авторы упирали на его провал на выборах в эдилы и едва не обернувшийся поражением очень скромный успех при домогательстве претуры, дружественные — на необязательность эдилитета для *cursus honorum* (такой акцент, заметим, не более чем весьма спорное предположение). На формирование обеих версий, полагает Паркер, оказал значительное влияние Посейдоний, у которого обе стороны черпали нужный им материал, но по-разному трактуя его.

В статье А. Якобсона рассматривается вопрос о том, как в речи Мария у Саллюстия (*Iug.* 85) отразилась политическая культура нобилитета³⁶. Автор отмечает, что культурная гегемония элиты не гарантировала ей успеха во всех случаях — народ бросал ей вызов и даже иногда побеждал (Р. Морстейн-Маркс насчитал 36 таких случаев). Сходки представляли собой «плебейское идеологическое пространство». Однако «идеологическая автономия» народа была ограниченной, он признавал необходимость иерархической системы. Вызов элите не мог быть брошен извне, он всегда поддерживался какой-то ее частью, и соперничество внутри нее с борьбой за симпатии народа и его голоса вело к появлению людей, готовых удовлетворять желания простых людей. Но Марий ничего не предлагает народу, он лишь поносит высокомерие знати. При этом он не отвергает аристократический этос, а критикует нобилитет, апеллируя к его же представлениям. «Знатное происхождение в действительности представляет собой ценное достояние, если только дурные потомки не позорят его, в этом случае они заслуживают сурового порицания вдвойне. Аргумент Мария заключается не в том, что знатность рода не имеет значения (и уж тем более вызывает подозрения сама по себе в соответствии с современной антиаристократической риторикой), но в том, что знатность обязывает» (с. 295). Между тем целое поколение развращенных нобилей не соответствовало нормам, заданным предками, что являлось серьезным ударом по господствовавшей политической культуре. Марий описывает собственное избрание как присоединение к элите, и поэтому он говорит в столь непримиримом тоне, формулируя целую идеологическую программу *homines novi* — его задачей было не подрывать систему, а занять свое место в ней. Собственно, обличения аристократии могли не носить враждебного господствовавшей системе характера — достаточно вспомнить речь Катона в «Заговоре Катилины», Лепида в «Истории» (примеры не совсем удачны, так как обе принадлежат перу Саллюстия), некоторые речи Цицерона. Таким образом, периодически нобили подвергались нападкам за то, что они позорили славных предков. «Уважение к иерархии, основывавшееся во времена Республики, в сущности, на народных выборах, и к традиции могли эффективно использоваться против интересов и желаний большей части правящего класса», примером чего и является речь Мария. «С точки зрения сенаторской элиты, политическая культура Республики была неоднозначным благом (*mixed blessing*), но тем не менее благом» (с. 299–300).

Пора подводить итоги. Как можно видеть, прорыва в изучении личности и деятельности Мария или даже хотя бы таких впечатляющих успехов, как в случае с Суллой, пока не наблюдается, что во многом обусловлено состоянием источниковой базы. При исследовании связанных с Марием проблем преобладает не постановка новых вопросов, а рассмотрение многократно изученных тем. Тем не менее нельзя не отметить, что делаются новые интересные наблюдения над источниками, и можно надеяться, что в обозримом будущем количество перейдет в качество.

Литература / References

- Allély, A. 2012: *La déclaration d'hostis sous la République romaine*. Bordeaux.
Assenmaker, P. 2014: *De la victoire au pouvoir: Développement et manifestations de l'idéologie impériale à l'époque de Marius et Sylla*. Bruxelles.
Badian, E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the decade 100–90 B.C. *Historia* 6.3, 318–346.
Ballesteros Pastor, L. 1999: Marius' Words to Mithridates Eupator (Plut. *Mar.* 31.3). *Historia* 48.4, 506–508.

³⁶ Yakobson 2014, 283–300.

- Ballesteros Pastor, L. 2014: The Meeting between Marius and Mithridates and the Pontic Policy in Cappadocia. *Cedrus* II, 225–239.
- Bubnov D.V. 1998: Roman legation to Babylon and Alexander of Macedon. In: I.L. Mayak, A.Z. Nyurkaeva (eds.), *Antichnost' i srednevekov'e Evropy* [Antiquity and Middle Ages of Europe]. Perm', 99–109.
- Бубнов, Д.В. 1998: Посольство римлян в Вавилон и Александр Молосский. В сб.: И.Л. Маяк, А.З. Нюркаева (ред.), *Античность и средневековые Европы*. Пермь, 99–109.
- Crawford, M.H. 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. I. Cambridge.
- Devillers, O. 2013: Les mentions de Marius chez Properce. Échos de propagande augustéenne. In: O. Devillers, G. Flamerie de Lachapelle (éds.), *Poésie augustéenne et mémoires du passé de Rome. En hommage au Professeur Lucienne Deschamps*. Bordeaux, 117–126.
- Gauthier, F. 2015: *Financing War in the Roman Republic 201 BCE – 14 CE*. Diss. Ph.D. Montreal.
- Gelzer, M. 1969: *Roman Nobility*. Oxford.
- Harmand, J. 1967: *L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av.n.è.* Paris.
- Harris, W.V. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome. 325–70 B.C.* Oxford.
- Heftner, H. 2008: Der Streit um das Kommando im Krieg gegen Mithridates (Diodorus Siculus 37, 2, 12) und die versuchte Konsulatskandidatur des C. Iulius Caesar Strabo. *Tyche* 23, 79–100.
- Hill, H.M.A. 1952: *The Roman Middle Class in the Republican Period*. Oxford.
- Hyden, M. 2017: *Gaius Marius: The Rise and Fall of Rome's Saviour*. Barnsley.
- Katz, B.R. 1975: The first fruits of Sulla's march. *L'Antiquité classique* 44, 100–125.
- Keaveney, A. 1979: Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo. *Latomus* 38, 451–460.
- Keaveney, A. 1984: Who were the Sullani? *Klio* 66, 114–150.
- Keaveney, A. 2007: *The Army in the Roman Revolution*. London–New York.
- Labitzke, M. 2013: *Marius. Der verleumdete Retter Roms*. Münster.
- Luce, T.J. 1970: Marius and Mithridatic Command. *Historia* 19.2, 161–194.
- Magie, D. *Roman Rule in Asia Minor*. 2 vols. Princeton, 1950.
- McGing, B.C. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden.
- Mommsen, Th. 1881: *Römische Geschichte*. Bd II. Berlin.
- Ooteghem, J. van. 1964: *Caius Marius*. Bruxelles.
- Parker, V. 2007: The annalists and Marius' early career. *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft* 31, 131–145.
- Passerini, A. 1934: Caio Mario come uomo politico. *Athenaeum*. N.S. XI, 10–44, 109–143, 257–297, 348–380.
- Santangelo, F. 2008: Cicero and Marius. *Athenaeum* 96, 597–607.
- Santangelo, F. 2016: *Marius*. London–New York.
- Sherwin-White, A.N. 1977: Roman involvement in Anatolia 167–88 B.C. *Journal of Roman Studies* 67, 62–75.
- Syme, R. 1964: *Sallust*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Weinstock, S. 1971: *Divus Julius*. Oxford.
- Wiseman, T. 1967: Cloelius of Tarracina. *Classical Review* 17/3, 263–264.
- Yakobson, A. 2014: Marius speaks to the People: “New Man”, Roman nobility and Roman political culture. *Scripta Classica Israelica* XXXIII, 283–300.

Anton V. Korolenkov,

А.В. Короленков,

State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia

к.и.н., доцент Государственного
академического университета
гуманитарных наук,
Москва, Россия

E-mail: sallust@list.ru

Evgeniy V. Smykov,

Е.В. Смыков,

Saratov State University,
Saratov, Russia

к.и.н., доцент Саратовского
национального исследовательского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

E-mail: smykov61@list.ru